

Георг Вильгельм Стеллер на Камчатке: направление и методы своего этнографического исследования¹

Эрих Кастен

В истории путешествий Г.В. Стеллер олицетворяет собой переход из эпохи Барокко в эпоху Просвещения (Beck 1974: xxi). В нем как натуралисте и современнике Линне, уже можно проследить поворот к точным наблюдениям и описаниям природы, в которых он приближается к современным методам исследования поведения и сравнительной анатомии (Matthies 1986: 57), в особенности в его труде «Подробное описание своеобразных морских животных» (Steller 1753). В этом пункте уместно поближе осветить вклад Стеллера в этнографию Камчатки, так как она является важным источником для ительменов, также представляет интерес с естественнонаучной и методологической точки зрения. Уже на раннем этапе в ней затронуты вопросы и различимы образы действий, пусть даже вначале лишь как подготовка, которая впоследствии должна будет определить дискуссии внутри этнологии, после чего последняя становится отдельной научной дисциплиной.

Стеллер, участник Второй Камчатской экспедиции, попадает на Камчатку, проходившей под знаком большой политики, начатой царем Петром Великим. Эта политика включала открытие границ на запад, что означало привлечение ученых и специалистов из различных европейских стран для модернизации русской экономики и управления, и одновременно продолжалась торгово-политическая консолидация вновь завоеванных регионов Сибири до берегов Тихого океана.

В научное исследование Сибири, служившее политико-стратегическим целям, входило изучение экономических возможностей, с 1725 г. проводилось недавно основанной Петербургской Академией наук. Сначала она находилась в руках немецких ученых Иоганна Георга Гмелина, занимавшегося в первую очередь ботаникой, и Герхарда Фридриха Миллера, завоевавшего себе признание историка. Гмелин, Миллер и французский астроном Луи Делисье де Круайер несли ответственность за научную сторону экспедиции, в то время как капитан командор Витус Беринг – за всю экспедицию, также за три военных контингента, с помощью которых должно было быть обследовано и нанесено на карту побережье Тихого океана. В научную часть экспедиции входил русский студент Степан Петрович Крашенинников, предварительно посланный на Камчатку для изучения местных условий. 27-летний Стеллер присоединился к экспедиции в 1737 г. в качестве адъютанта, но как позднее выяснилось, на большом расстоянии он был предоставлен самому себе и занимался исследованиями самостоятельно.

---

¹ Перевод: Тянь Заочная

В Петербург Стеллер попал окольными путями: родился 10.3.1709 г. и вырос в мещанской семье в г. Виндсгейме (Франконии), учился на богослова в г. Виттенберг, позднее проявил большой интерес к анатомии и естественным наукам, и продолжил обучение в этом направлении. На жизнь он зарабатывал, будучи учителем в Сиротском доме, основанном Августом Германом Франке (сегодняшнее название: Фонд Франке). Стеллер специализировался на ботанике, но несмотря на то, что прекрасно сдал экзамены на частного доцента в Берлине, не смог получить ожидаемой кафедры. Ввиду неопределенности профессионального будущего в Германии и непреодолимого влечения к исследованиям чужих стран сообщения о новых русских открытиях пробудили в нем большой интерес (Steller 1741-42: 49). В 1734 г. он попал в Гданьск (Данциг), взятый незадолго до этого русскими войсками, где он получил должность военного хирурга. Сопровождая транспорт с ранеными через Кронштадт, он оказался в Петербурге. Там Стеллер познакомился с новгородским архиепископом Феофаном Прокоповичем, у которого служил домашним врачом и мог пользоваться его богатой библиотекой для подготовки к уже намеченной цели – исследованию Сибири. Другую влиятельную личность для запланированного замысла Стеллер нашел в лице Иоанна Аммана, члена Петербургской Академии наук, вместе с которым он занимался подготовкой нового участка для Ботанического сада. В конце концов его прошение быть принятым в качестве ботаника во Вторую камчатскую экспедицию было удовлетворено.

Стеллер прибыл на Камчатку, когда там российская структура власти находилась на переломе. Вместо бывших наместников и промышленников, действовавших в стиле ранних захватнических экспедиций, как например, завоевание новых земель Атласовым, стало появляться все более и более научно сопровождаемое и упорядоченное присоединение земель. Разделение сферы влияний приводило к напряженным отношениям между руководителями экспедиции и промышленниками, т.е. казаками, которым по мнению Беринга можно было также мало доверять, как и туземцам (Steller 1741-42: 138). Но полномочия между руководством экспедиции и учеными не были четко сформулированы, при этом последние могли ссылаться на распоряжение Академии наук, позволявшее им работать самостоятельно. Стеллер к тому же занял позицию постороннего – также и к Берингу – потому что не приветствовал беспощадное отношение к туземцам, что в свою очередь отражалось на условия его исследований. Он должен был приспособиться, чтобы в такой атмосфере продолжать свою работу.

20 сентября 1740 г. на судне «Надежда» Стеллер прибыл в Большерецк на западном побережье полуострова, бывшего тогда центром торговли на Камчатке. Первоначально судно должно было привезти груз для дальнейших исследовательских поездок в Северной пачифике напрямую в бухту Петра и Павла, откуда Стеллер планировал присоединиться к японской экспедиции капитана Шпанберга. Но благодаря случайности или действительно

ограниченному умению капитана Хитрова, безопасно провести судно через южный мыс Камчатки, Стеллер провел зиму на западном побережье, где он познакомился с Крашенинниковым, проводившим уже три года естественнаучные работы. Знакомство было наверняка полезным для обоих.

Карта местоположения Камчатки (Karte von der Lage Kamtschatkas, Steller 1774)

О взаимоотношениях исследователей известно мало, но кажется, до открытых столкновений между ними дело не доходило, так как Крашенинников молча подчинился авторитету Стеллера, как это надлежало согласно рангам того времени. В текстах Стеллера лишь изредка и немного в презрительном тоне упоминается песня, в которой ительмены подшучивают над «студентом» (Steller 1774: 335). Также похоже на то, что он поддержал

отъезд Крашенинникова следующей весной, несмотря на то, что его команда, состоявшая из художника Йохана Христиана Бергхана и студента Алексея Горланова и еще нескольких помощников, могла бы воспользоваться услугами дополнительных хороших знатоков страны. Четкие совпадения определенных пассажей в труде Стеллера и в вышедшей в 1755 г. книги Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (Крашенинников 1755), располагавшего в то время письменным наследием Стеллера, были то и пищей для домыслов, кто чьим материалом воспользовался. Но получить прямой ответ на данный вопрос не представляется возможным. Точно известно, что Стеллер по прошествии трех недель после прибытия в Большерецк потребовал от Крашенинникова подробный отчет всех его наблюдений на Камчатке. Крашенинников представил его на 57 страницах, которые могли послужить Стеллеру основой для его будущих исследований. С другой стороны, Стеллер объездил места, где Крашенинников никогда не был. Решающим для неопределимого качества этнографической информации была его особая манера собирания сведений, что и указывает на стеллеровское подлинное авторство текстов.

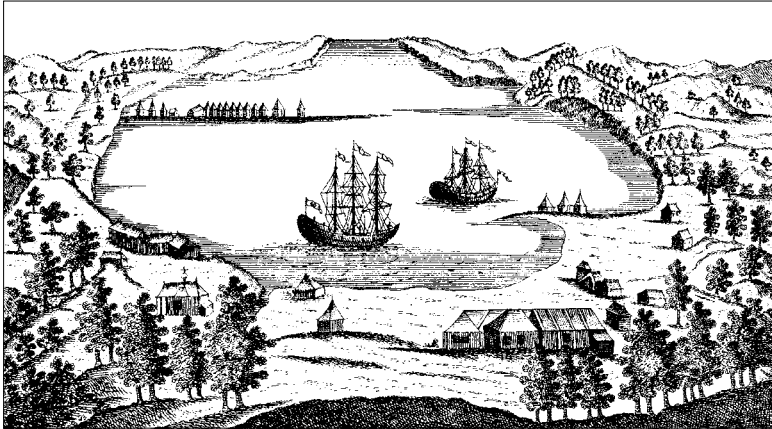
Авачинская бухта (Awatscha-Bucht, Steller 1774)

В течение первой половины зимы 1740-41 г. Стеллер вместе с Крашенинниковым совершил поездку в близлежащее ительменское селение, тем более что в это время года заниматься ботаническими работами было невозможно. Вскоре после нового года Стеллер – на сей раз без Крашенинникова – организовал экспедицию на собаках для исследования южной части Камчатки, из которой он вернулся предположительно в конце февраля. Когда Стеллер получил сообщение от Беринга, то спешно прервал исследовательские работы и поехал в гавань Петра и Павла, чтобы 4.6.1741 г. отправиться в плавание в Америку на пакетботе «Св. Петр». Детали этого путешествия, предластавшего Стеллеру возможность дальнейших естественнонаучных и этнографических исследований, также трагический конец после кораблекрушения вблизи одного из Командорских островов (позднее названного островом Беринга) подробно описаны в книге Стеллера «Из Камчатки в Америку ...» (Steller 1793) и в статье о закулисной стороне отношений между Берингом и Стеллером во время путешествий Фростом (Frost 1994).

По возвращении 26.8.1742 г. в Авачинскую бухту Стеллер и другие выжившие путешественники обнаружили, что их имущество было продано, так как все думали, что они погибли. Стеллер пошел пешком в Большерецк, где он в течение зимы обрабатывал записи о поездке в Америку. Тем временем его подчиненные проводили работы согласно его указаниям. Горланов, например, объездил западное побережье Камчатки вплоть до Тигиля, где сам Стеллер никогда не был и которое по сей день является основным местом проживания ительменов. Вместо этого он весной 1743 г. на трех ительменских лодках вновь посетил юг полуострова и три близлежащих Курильских острова.

В конце июля 1743 г. Стеллер вместе с сопровождающим его лицом отправился в путешествие на север, первоначально задуманное до Анадыря и Колымы, но цели своей он все же не достиг. По какой причине он был вынужден вернуться, узнать из его записей не представляется возможным. Его путь пролегал через ительменские селения на реках Большая и Быстрая, по центральной части полуострова и далее по реке Камчатке к побережью Тихого океана. От устья Камчатки он продолжил путешествие на север до реки Алюторская, что севернее острова Карагинский. Он сделал ценные заметки о проживающих там береговых коряках, среди прочего о проводимом весной важным для аборигенов празднике кита. Но вскоре Стеллер должен был повернуть назад. Похоже, он не мог устоять против собственного любопытства и решил обследовать Карагинский остров, добираясь до него уже по ломкому льду, что стоило ему потерей оснащения и собачьей упряжки. Прыгая с одной льдины на другую, он добрался до твердой земли и вынужден был уже пешком продолжить свое путешествие до Нижней Камчатки. Оттуда его путь лежал по восточному побережью через Кроноцкий мыс, по устьям рек которого в то время было много ительменских селений. В его отчетах об этом написано меньше, чем ранее о посещаемой им центральной

Камчатке. Возможно он был в спешке, когда возвращался из трудной экспедиции. Вернувшись в Большерецк, ему стало ясно, что его миссия на Камчатке подходит к концу. Пришедший в марте 1745 г. приказ об отозвании, весьма вероятно был принят им и его командой с радостью.

Порт Св. Петра и Павла (Der Hafen von St. Peter und Paul, Steller 1774)

Но незадолго до этого между Стеллером и новым комендантом Хметевским разразился горячий спор, о злоупотреблениях которого первый написал ноту протеста в Петербург. В свою очередь контрагент обвинял Стеллера в том, что тот подстрекал туземцев к восстанию, что могло грозить процессом за измену. На обратном пути Стеллер вынужден был провести длительное время в Иркутске, где его допрашивали, и куда он из-за недоразумений должен был еще раз вернуться, когда уже пересек Урал. 12 ноября 1746 г. в возрасте 37 лет он умер в Тюмени при до сих пор невыясненных обстоятельствах.

Труды Стеллера о Камчатке, описывающие в удивительной для того времени объемной и точной форме культуры живущих там народов, выйдут только благодаря положенным им в основу подходы и методы исследований. Наряду с физическими способностям и личной отвагой, без чего невозможно выжить в экстремальных климатических условиях тех регионов, было важно и то, как он путешествовал, как держался по отношению к коренным народам, предоставившие ему возможность ознакомиться с их культурами.

Чем отличался «сочувствующий наблюдатель» Стеллер от «путешествующих ученых» того времени, показывает сравнение с Гмелиным и Миллером, возивших с собой кроме многочисленных предметов удобств также библиотеку, состоявшую из несколько сотен томов, чтобы и во время экс-

педиции вести привычный образ жизни. Контраст в научном методе обоих ученых будет едва ли яснее, чем в записи, сделанной Гмелиным в его дневнике по Камчатской экспедиции, в которой он описывает свою первую встречу со Стеллером, оставившей по-видимому неизгладимое впечатление. Поэтому эта запись приводится полностью:

«Так как в Сибири весь домашний скарб необходимо везти с собой, то он довел его по возможности до минимума. Его сосуд для пива служил ему одновременно и для меда, и для водки. Вина он и не требовал. У него была всего одна посуда, из которой он ел, в которой он готовил себе еду. К тому же ему не требовался повар. Он готовил все сам, к тому же опять с малыми затратами, что суп, овощи и мясо одновременно клались и варились в одном котле [...] У него всегда было хорошее настроение, и чем больше беспорядка было вокруг него, тем веселее он был. При этом мы заметили, что вопреки всему беспорядку, каким казался его образ жизни, он был всегда пунктуален, и во всех своих делах был неутомим. [...] Для него ничего не стоило целый день не есть и не пить, если он мог сделать что-то плодотворное для науки.» (Gmelin 1751: 107 и д.)

Камчадалское летное жилище (Eine kamtschadalische Sommerhütte, Steller 1774)

Кроме того необходимо отметить, что Стеллер обладал поразительным приспособлением к образу питания коренных народов, среди которых он жил, если даже и не был в большом восторге от кашеобразных блюд (селаги, толкуши) или от знаменитых кислых головок, которыми ительмены по сей день могут привести приезжих в замешательство (Steller 1774: 165). Мнение Стеллера о том, что разные народы, живущие в особенных клима-

тических и природных условиях, выработали для своего физического благополучия особую форму природопользования, говорит о его уважении к чужим культурам, которое у Стеллера часто встречается и в других местах, что было в то время весьма редким явлением. Уже тогда намечается позиция релятивизма, которая намного позднее будет играть большую роль в теоретических дискуссиях в этнологии (Rudolph 1968).

Особому интересу Стеллера к питанию и лечению силами природы этих народов благодарны не только мы за подробную этнографическо-биологическую документацию, усвоенные знания возможно помогли ему выжить во время путешествия в Америку, в то время как остальные члены экспедиции игнорировали его советы. Его интересовало уже давно, почему народы Сибири в отличие от русских путешественников не страдают витаминозом, приводящим к заболеванию цынгой. Свое пребывание в Охотске он использовал для того, чтобы проводить исследования у живущих там эвенов, при этом ему заметил, что они кроме всего прочего в зимнее время добавляют в рыбные блюда соленые клубни сараны.

Поездки налегке, как это принято у коренных народов, и самостоятельный выбор транспорта значительно способствовали его подвижности на местности и позволяли непосредственный доступ к важным сферам жизни ительменов. На ительменских лодках он совершил поездку на юг полуострова и Курильские острова, на собачьих упряжках объездил Камчатку вдоль и поперек. Он не хотел, чтобы Гмелин подверг себя такого рода трудностям, а потому описание поездок на собачьих упряжках в письме от 1.3.1741 г. должно было убедить последнего не ехать дальше на Камчатку. В письме было написано примерно следующее: сидение на таких нартах подобно тому, как «смычок на скрипке» и в любой момент того и гляди может случиться несчастье (Stejneger 1936: 231).

Для себя же лично Стеллер распознал пользу и преимущество собачьих упряжек как хороший способ передвижения в тех условиях, где собаки «во время метели, когда даже глаз открыть нельзя, являются хорошими проводниками» (Steller 1774: 136). Кроме того, «они согревают и сохраняют жизнь хозяину» во время сильных бурь, «могут неподвижно лежать возле него и до двух часов, и хозяин должен заботиться лишь о том, чтобы не быть глубоко занесенным снегом и не задохнуться» (с. 136 и д.). И еще преимущество в том, что на собаках «можно проехать через непроходимые места... от одного селения к другому, куда ни на лошадях, ни пешком из-за глубокого снега добраться невозможно» (там же). Глубоко впечатленный тем, как ительмены используют собак для своих целей и должным образом их воспитывают, Стеллер посвятил этим животным прямо-таки записи в научной манере, которая своей детальностью некоторым читателям может показаться странной, но которая в полной мере отражает мышление коренные народов в их отношении с природой. После того как Стеллер хорошо освоил этот вид транспорта и связанные с ним трудности, пришел к следующему выводу:

«Камчадалские (ительменские) нарты сделаны продуманно по силам собак и приспособлены к горной местности, так что даже самый лучший мастер такие не в состоянии придумать» (с. 370).

Такое «участие» в жизни чужого народа было в то время не только необычным, но кроме того просто трудно осуществимым. Необходимо помнить, что в то время, когда Стеллер находился среди ительменов и коряков, против этих народов то и дело осуществлялись зверства со стороны русских и казаков, и что потерпевшие в свою очередь проводили ответные акции. Стеллер ездил чаще всего один или вдвоем, кроме того был незащищен, и должно быть только благодаря уверенной манере держаться и завоеванному доверию он мог неожиданно появляться у них. Он даже среди коряк-алюторцев, известных своим стойким сопротивлением и нагоняющих страх, пребывал в мирном согласии и вернулся в целостности и сохранности. Как мог он объяснять людям, с которыми встречался в пути, что не имеет ничего общего со зверствами завоевателей и что решительно осуждает их за это? Необходимо положительно отозваться и об аборигенах, относившихся к пришельцам дифференцированно и без предубеждений.

У Стеллера очевидно возник конфликт лояльности, так как, с одной стороны, он чувствовал себя обязанным по отношению к своим работодателям и руководству экспедиции, с другой, к аборигенам, к ситуации которых он относился с пониманием и к которым проявлял симпатию. Перед подобного рода проблемами стоят и сегодня многие этнологи, когда они особенно в процессе тесной совместной работы с коренными народами в определенной степени разделяют их интересы и проблемы, что в конечном итоге приводит к тому, что работа не соответствует их первоначальной исследовательской задаче. Так, например, Г.Ф. Миллер сетует на то, что Стеллер из-за своей активности за достойное отношение к коренным народам был вовлечен без нужды в обстоятельства, которые в общем-то его не касались. Как вел себя Стеллер в такого рода конфликтных ситуациях, показывает следующий пример.

Сразу по прибытии на Камчатку Стеллер стал свидетелем того, как русское начальство обращалось с ительменами и коряками. Так как все снаряжение экспедиции из Большерецка в Петропавловскую бухту должно было быть перевезено сухопутным путем (из-за неудачной попытки перевезти его по морю вдоль южного побережья Камчатки), то для перевозки его на собаках было собрано огромное число аборигенов, даже живущих более чем за 100 км вплоть до реки Тигиль. Эта часто сопровождалось насилием, т.к. они не желали покидать свои семьи и боялись быть поработенными. Некоторые коряки настолько решительно сопротивлялись, что убили семерых русских. Беринг распорядился послать карательную экспедицию, во время которой почти все обитатели этого селения, включая женщин и детей, были убиты или ранены. Те, кто выжил, были привезены в Авачинскую бухту, чтобы предстать перед судом, но многие из них умирали от пыток или кончали

жизнь самоубийством. Стеллер, находившийся в ту зиму в Большерецке, затем переехавший в Авачинскую бухту, должно быть знал об этих событиях, но его протест против Беринга был сравнительно осторожным, чтобы не подвернуть под угрозу свое участие в вожаемой поездке в Америку. Поэтому его протесты были прежде всего (сначала) направлены против казаков, относившихся зверски и совершенно не по-христиански к корякам (Steller 1741: 42–52). Но Беринг понял, что в конечном итоге эта критика относилась к ответственным за командование, и этого было достаточно, чтобы отстранить Стеллера от важных советов и решений до и во время путешествия, даже если первый (т.е. командор Беринг) уже не мог отказаться от участия последнего (ср. Frost 1994).

Нижний Камчатка острог (Der untere Kamtschatka Ostrog, Steller 1774)

Симпатии, которые Стеллер питал к аборигенам ввиду жесткого отношения к ним захватчиков, объяснялись возможно не только тем, что он в процессе исследования искал и переживал их близость и таким образом мог непосредственно понять их тяжелую ситуацию. В разных биографиях о Стеллере то и дело указывается на то, что возможно идеи пиетизма оказали на него большое влияние, когда тот преподавал в Сиротском доме, основанном Августом Германом Франке. Речь здесь идет о реформированном христианстве, направленном на то, чтобы находясь в чужих странах, осуществлять на практике любовь к ближнему, и методом терпимого отношения, без применения насилия обращать неверных в христианство. Для Стеллера это была хорошая возможность критически подойти к христианству, распространенному на Камчатке большей частью в формальной форме. Он обвинял христианство в коллаборационизме с эксплуататорами, русскими и казаками, так как крещение аборигенов ставило их еще в большую экономическую зависимость (Steller 1774: 284).

Как следовал Стеллер идеалам христианской практики, с которой он столкнулся в ранний период своей жизни, одновременно означавшей вторжение в жизнь и культуры этих народов и которая до сей поры затрагивает весьма спорные вопросы в этнологии? Стеллер ведет себя в этом отношении

не совсем ясно, но в духе пиетизма. С одной стороны, наблюдается его патерналистская позиция, согласно которой аборигены должны быть защищены от влияния цивилизации, морально разлагающего и разрушающего счастливого состояния, оказываемого прежде всего русскими и казаками. С другой стороны, Стеллер требовал основательного наставления в христианской вере, считал, что формальное обращение или процесс крещения совершенно недостаточны и даже вредны, потому что от формы, в какой это проводилось на Камчатке, могло создаться неверное впечатление об истинном христианстве.

Стеллер то и дело подчеркивал, что интеллект аборигенов не уступает интеллекту других народов, порой даже превосходит. Он относился с большим уважением к их ремесленному мастерству и знаниям об использовании природных ресурсов, хотя и пытался показать, что введение земледельчества с применением новых методов может улучшить их экономическое положение. Его прямое вмешательство в культуры этих народов особенно прослеживается в области религии. Но как сторонник ненасилия Стеллер ратовал не за уничтожение ритуальных предметов и шаманских бубнов, как это было в случае миссионирования саамов в Скандинавии, пока идеи пиетизма там получили своего распространения (Kasten 1991). Он не требовал уничтожения шаманов, как это происходило в рамках социалистического перевоспитания после Октябрьской революции. Для Стеллера церемонии были скорее «показыванием фокусов», от которых эти народы сами откажутся, когда получат соответствующее образование. С этой целью он предпринял инициативу по созданию школы в Большерецке, чтобы в первую очередь дать необходимые знания по письму и чтению.

Дифференцированная оценка коренного знания, весьма основательно документированном Стеллером, с которым он хорошо ознакомился благодаря настойчивому расспрашиванию, ясно просматривается в их четком отнесении в различные категории. В то время как он высоко ценил практические знания коренных народов в их успешном приспособлении к очень трудным условиям жизни, их же религиозные ритуалы, которыми они выражали свои религиозные представления, имел обыкновение называть «шутками фокусников», как об этом уже упоминалось выше. Но это не мешало ему с большой точностью документировать проведение этих ритуалов. Напротив, мифическим знаниям и устным традициям, которыми эти народы пытались объяснить явления природы, он давал высокую оценку, но если это признание не ставило под вопрос его мировоззрение и его, как натуралиста-ученого, доверие в точные науки. Для него объяснения коренных народов об определенных явлениях природы были результатом их «философствования». Но в любом случае Стеллер добивался к межкультурному диалогу, сопоставляя свою научную теорию аргументам аборигенов, утверждавших, что их предки с такого рода объяснениями могли спокойно жить (Steller 1774: 141 и далее).

С научно-исторической точки зрения Стеллер олицетворяет собой идею обширных исследований того времени, когда наука о человеке и природе представляла собой еще одно целое. В этнологии в такой форме исследования можно найти в трудах Франца Боаса (Kasten 1992) – причем этнология после ее временных, прежде всего ущемлений в социологическом плане прошлого столетия, вновь усиленно заботится о межпредметных исследованиях. С глубокого впечатляющей точностью и осмотрительностью Стеллеру благодаря его широкой подготовке в области теологии, медицины и ботаники удалось охватить почти все сферы жизни этих народов.

В трудах Стеллера можно найти первые идеи сегодняшних дискуссий о традиционном знании природопользования коренных народов в циркумполярных регионах. В своем рассмотрении материальной культуры этих народов он идет дальше просто описательного понимания внешних признаков и функций, интересуясь подоплекой познавательных значений, как например, соответствующими значениями определенных окрашиваний (Steller 1774: 64). О демографических соотношениях до русской колонизации он пытается найти объяснение тем, что на основании покинутых поселений производит точные расчеты и таким образом четко выявляет размеры уничтожения и угрозу этим народам в их дальнейшем существовании (с. 219).

Стеллер уже тогда осознал вопросу этнической идентичности, которая в современной дискуссии этнологов играет особую роль (Kasten 2005), например, сознательное размежевание между этническими группами и населенных пунктов даже в тесном пространстве по языковому принципу. Это происходило вплоть до переселений в середине XX века, о чем можно найти в современных материалах по языку (Халоймова, Дюрр, Кастен, Лонгинов 1996; Kasten 2008). Особенно интересными являются указания Стеллера на живущих в то время аборигенов на южной оконечности Камчатки (Лопатка) и первых Курильских островах, которые благодаря своей позиции посредников одновременно объединяли в себе элементы культуры как живущих на северной границе ительменов, так и на южной – айнов, очевидно собиравшихся формировать свою собственную этническую идентичность. (Steller 1774: 23 и далее).

Нельзя не упомянуть и эмоциональный характер данной этнографии, в которую Стеллер включает свои личные ощущения и писательско-образовательные элементы. Такой образ действия в современной этнологии временами осуждался, но в последнее время вновь стоит на повестке дня (ср. Geertz 1990). Для читателя такого рода труда представляется возможность дополнительно к этнографической информации приблизиться к особой ситуации соприкосновения с окружающим миром, которая в большинстве случаев в современной этнографии упускается или в лучшем случае сглаживается, или же в зависимости от методологического духа времени делается соответствующее замечание в предисловии. Спонтанный и с наложенными отпечатками личных ощущений стиль Стеллера в этом отношении обещает больше открытости, в котором можно различить, как осу-

ществляются определенные оценки, содержащиеся скрыто в этнографии в той или иной форме. Сверх того становятся явными неизбежные чувства разочарования в контексте межкультурных действий, и отчего возможно страдал время от времени и Стеллер как любой другой исследователь в полевых условиях. В трудах Стеллера содержатся дополнительные качества, которые прежде всего обнаруживаются этнографических дневниках, такой же пример можно найти у Боаса во время его пребывания среди инуитов в Баффинлэнд (Boas 1994).

В заключение встает вопрос о возможной роли Стеллера как предшественника определенного направления в новой этнологии, своего рода «защищающей антропологии». Необходимо заметить, что Стеллер среди ительменов в рамках их сегодняшних стремлений как этнической группы «используется» как «своего» историка, как так он в свое время документировал несправедливости, которым они подвергались, но эти пассажи в русских изданиях советского времени были опущены (Kasten 1996).

Если рассматривать Стеллера как личность вообще, то встает вопрос о его действительных мотивах, сделавших его «адвокатом» ительменов. Думал ли он со своими моральными призывами только о благе аборигенов, или служило такого рода поведение другим целям, которые он преследовал, находясь на Камчатке? В этой связи, например, приходит мысль об упомянутых конфликтах с русскими властями, в которых он как моралист мог скорее всего настоять на своей позиции, так как у него не было других средств власти – причем эту карту он полностью разыграл в спорах с Хметевским. Несмотря на то, что Стеллер несомненно был проникнут гуманистскими традициями в первую очередь пиетизма, он ни в коем случае не был религиозным фанатиком или идеалистом-мечтателем о справедливых отношениях в русском «пограничном обществе», которое на самых дальних границах страны свою жизнь устраивало по собственным правилам. В конечном счете и прежде всего Стеллер был ученым, понявшим, что в интересах исследований полезно, даже если это было необходимо, держался на расстоянии от русских властей на Камчатке, но лишь в той степени, чтобы это не ставило под серьезную угрозу продолжение его научной работы.

Литература

- Крашенинников С.П. 1755 [1994]. Описание земли Камчатки. Санкт Петербург: Наука, Петропавловск-Камчатский: Камшат.
- Халоймова К.Н., Дюрр М., Кастен Е., Лонгинов С. 1996. Историко-этнографическое учебное пособие по ительменскому языку. Берлин, Петропавловск-Камчатский: Камшат.
- Beck, Hanno 1974. Einführung des Herausgebers. In: *G.W. Steller, Beschreibung von dem Lande Kamtschatka*. Unveränderter Nachdruck der Ausgabe von 1774. H. Beck (Hg.). Stuttgart: Brockhaus.

- Boas, Franz 1994. Bei den Inuit in Baffinland (1883–1884). Tagebücher und Briefe. Bearbeitung, Einleitung und Kommentare von Ludger Müller-Wille. Berlin: Schletzer.
- Frost, O.W. 1994. Vitus Bering and Georg Steller. Their Tragic Conflict during the American Expedition. In: *Pacific Northwest Quarterly*, vol. 86: 3–16.
- Geertz, Clifford 1990. Die künstlichen Wilden. Der Anthropologe als Schriftsteller. München, Wien: Hanser.
- Gmelin, Johann Georg 1751. Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743. In: *Die Große Nordische Expedition von 1733 bis 1743*. D. Posselt (Hg.) 1990: 5–193. Leipzig, Weimar: Kiepenheuer.
- Kasten, Erich 1991. Schamanismus der Samen: Fragen zur Variation eines religiösen Vorstellungskomplexes. In: *Hungrige Geister und rastlose Seelen: Texte zur Schamanismusforschung*, Michael Kuper (Hg.), 57–75. Berlin: Reimer.
- 1992. Franz Boas: Ein engagierter Wissenschaftler in der Auseinandersetzung mit seiner Zeit. In: *Franz Boas: Ethnologe, Anthropologe und Sprachwissenschaftler. Ein Wegbereiter der modernen Wissenschaft vom Menschen*, M. Dürr, E. Kasten, E. Renner (Hg.), 7–37. Wiesbaden: Reichert.
- 1996. Die Bedeutung von Stellers Werk „Beschreibung von dem Lande Kamtschatka“ für die Itelmenen. In: *Die Große Nordische Expedition. Georg Wilhelm Steller (1709-1946). Ein Lutheraner erforscht Sibirien und Alaska*, W. Hintzsche und T. Nickol (Hg.), 237–238. Gotha: Justus Perthes Verlag.
- 2005. The Dynamics of Identity Management. In: *Rebuilding Identities – Pathways to Reform in Post-Soviet Siberia*, E. Kasten (ed.), 237–260. Berlin: Reimer.
- 2008. Preserving Endangered Languages or Local Speech Variants in Kamchatka. In: *Endangered Languages and Language Learning. Proceedings of FEL XII 24-27 September, Fryske Academy Leeuwarden*, T. deGraaf, N. Ostler, R. Salverda (eds.), 151–154. Foundation for Endangered Languages: Bath (England).
- Matthies, Volker 1986. Einführung des Herausgebers: in: *G.W. Steller, Von Sibirien nach Amerika. Die Entdeckung Alaskas mit Kapitän Bering 1741-1742*, V. Matthies (Hg.). Stuttgart, Wien: Thienemann.
- Rudolph, Wolfgang 1968. Der kulturelle Relativismus. Kritische Analyse einer Grundsatzfragen-Diskussion in der amerikanischen Ethnologie. Berlin: Dunker und Humblot.
- Stejneger, Leonard 1936. Georg Wilhelm Steller. The Pioneer of Alaskan Natural History. Cambridge, Mass.
- Steller, Georg Wilhelm 1741-42 [1988] Journal of a Voyage with Bering 1741-42. O.W. Frost (Hg.). Stanford.
- 1753 [1974] Ausführliche Beschreibung von sonderbaren Meeresthieren. Unveränderter Nachdruck. H. Beck (Hg.). Stuttgart: Brockhaus.
- 1774 [1996] Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfurt/Leipzig. Neudruck 1996. E. Kasten und M. Dürr (Hg.). Bonn: Holos.

- 1793 Reise von Kamtschatka nach Amerika mit dem Commandeur-Capitän Bering. Simon Pallas (Hg.). St. Petersburg.